

Шахова Лариса Александровна

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ БЕЛОГО ЛИСТА В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Данная статья посвящена современной литературе в ее ярком проявлении, именуемом "женской прозой". Рассматриваются проблемы интертекстуальности и феномен прецедентности на примере одного из лучших рассказов Татьяны Толстой, выявляются особенности поэтики и трансформации прецедентных феноменов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 213-215. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

- Головин С. Ю. Словарь психолога-практика. Мн.: Харвест, 2005. 2-е изд., перераб. и доп. 976 с.
- Красных В. В. Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.-Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2005.
- Лотман Ю. М. Воспитание души: научное издание. СПб.: Искусство-СПб., 2005. 624 с.
- Степанов М. С. Реконструкция ситуации возникновения теории коммуникации: к постановке проблемы // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы: материалы II Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации / под ред. Н. В. Иванова. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2008.
- Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура: сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.-Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2005.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

Список словарей

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
- Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / сост. священник-магистр Г. Дьяченко. М.: Издательство «Отчий дом», 2005. 1120 с.
- Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ-Хранитель, 2007.

**TO THE PROBLEM OF THE VALIDITY LIMITS OF THE TERM:
A LOOK AT THE "PICTURE OF THE WORLD"****Chaginskaya E. A.**

*Department of Philology Theory
Moscow State Linguistic University
melemma@inbox.ru*

Abstract. In publications on linguistics, pedagogics and the wide problematics of intercultural communication the term "picture of the world" is used very frequently today and, in the opinion of the author of the article, not always successfully. The problem is that any term arises in the concrete sociohistorical context, and the "author" of the term may represent only one of the directions of the development of scientific thought. Even if the term which came into scientific use, seems to be successful for the description of the realities peculiar to one time and one place, the opportunity of its application to the realities of other time and other place needs to be proved. Automatism or apriority in the application of term can cause the deformed conception of the object being researched.

Key words and phrases: term "picture of the world"; sociohistorical context; direction of development of scientific thought; application of term.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ БЕЛОГО ЛИСТА В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ**Шахова Л. А.**

*Кафедра русской филологии
Тамбовский государственный технический университет
postmaster@kafruss.tstu.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена современной литературе в ее ярком проявлении, именуемом «женской прозой». Рассматриваются проблемы интертекстуальности и феномен прецедентности на примере одного из лучших рассказов Татьяны Толстой, выявляются особенности поэтики и трансформации прецедентных феноменов.

Ключевые слова и фразы: современная литература; «женская проза»; интертекстуальность; прецедентность; поэтика; трансформация прецедентных феноменов.

Интеллектуально и аксиологически значимые явления литературы, используемые на протяжении многих веков русскими писателями; являются культурными знаками, с помощью которых осуществляется неразрывность литературного процесса и культурная преемственность. В современном литературоведении эти явления определяются как прецедентные феномены.

Понятие «прецедент» в сфере языка и культуры понимается как феномен первичного образца, представляемого для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление могло быть вторично создано благодаря опоре на этот образец. Выделяют такие этнические прецедентные феномены, как прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная коммуникативно-прагматическая ситуация и прецедентное имя. Контекст художественного дискурса дает возможность декодировать прецедентные феномены, понять их глубинный художественный подтекст [Попова, 2008].

Выразителями идейно-поэтического содержания литературы конца XX-начала XXI столетий стали в том числе и писатели-женщины: Людмила Петрушевская, Виктория Токарева, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Марина Вишневецкая, Дина Рубина, Галина Щербакова и др. «Женская проза» отражает характерные черты современной литературы, подводит итоги эстетическим исканиям всего столетия, своими художественными экспериментами и стилевыми открытиями намечает перспективу литературы будущего. Сегодня русская «женская проза» выделилась как устойчивый значимый феномен отечественной литературы, который вызывает несомненный интерес в силу его высоких творческих достоинств» [Там же, с. 4].

Ярким представителем «женской прозы» рубежа веков является Татьяна Никитична Толстая, в творчестве которой отражается страстный, мучительный поиск идеала. В произведениях Т. Толстой активно используются прецедентные феномены. В рассказе «Черный квадрат» (прецедентное имя) речь идёт о картине К. Малевича, впервые показанной на выставке в 1915 году. Новое формалистическое направление в живописи периода империалистической войны 1914-1918 гг., отрицавшее необходимость рисунка, изображения предметов и сводившее живопись к изображению различно окрашенных плоскостей, получило название *супрематизм* (от лат. *supremus* - *высший*). Малевич называл супрематизм «новым живописным реализмом». По замыслу художника новый метод был призван увенчать собою все предыдущие течения авангарда. Рассуждение Т. Толстой о воздействии «Чёрного квадрата» на самого художника и на всё современное искусство в целом, строится на антитезе: верх - низ, свет - тьма, искусство - ремесло, вдохновение - расчёт, райские ворота - преисподняя, жизнь - смерть, человек - его тень, Бог - его антипод. Этот художественный приём помогает подчеркнуть противопоставление «чёрного квадрата» иконе. Не случайно высказывание А. Бенуа о картине Малевича Т. Толстая цитирует четыре раза: четыре раза по числу углов и сторон квадрата, четыре раза по числу концов креста. Человек, осеня себя крестным знаменем, четырежды прикасается к себе: ко лбу - чтобы возвысился его ум, к груди - чтобы сердце чистое созиждилось в нём, к плечам - чтобы творения рук его были благодны.

Опираясь на авторитет замечательного художника и гуманиста А. Бенуа, который использует в своём высказывании о «квадрате» библейское определение вечной тьмы (прецедентный текст), Т. Толстая осеняет своё произведение крестом четырёхкратного обращения к библейскому интертексту, как бы закрывает своим крестом, своим талантом эту дыру, эту дверь из тьмы. Т. Толстая проявляет смелость, называя, вслед за А. Бенуа, чёрную пустоту квадрата «мерзостью запустения» (прецедентное высказывание) и открывая таким образом её истинную суть, а также имя того, кого явил миру «Чёрный квадрат». Гордыня, отсутствие смирения и доверия авторитету священного писания, идея собственного избранничества - вот путь, уводящий художника в никуда. Так, Л. Толстой, занятый духовными поисками, к концу жизни не нашёл ничего. Можно привести в пример увлечение части молодёжи стилем «готика», который предлагает своим последователям только один цвет одежды, а также и всех других атрибутов жизни - чёрный. Сравните: «*Очисти мя, и паче снега убелюся*» (50 псалом).

Проследим, как трансформируется феномен «душа» в рассказе «Чистый лист». Фабула рассказа типична для «эпохи девяностых»: Игнатъев, измученный житейскими неурядицами, переживаниями и тоской по несбыточному, решается на операцию по удалению страдающей души, желая стать сильным мира сего. Результат предсказуем: он превращается в одного из тех обезличенных, обездушенных, о ком писал Евгений Замятин в фантастическом романе «Мы». Теряя способность к состраданию, герой утрачивает главную составляющую человеческого счастья - способность делать счастливыми других, ближних своих и дальних. Еще раньше Сергей Есенин заметил: «*Мне страшно - ведь душа проходит, / Как молодость и как любовь*» [Есенин, 1996, с. 184].

Татьяна Толстая ставит самые главные для человечества вопросы: что происходит с душой? в каких глубинах, в каких безднах она прячется? куда уходит или как трансформируется, во что превращается эта вечная тоска по правде, добру, красоте? Автор осознает, что на эти вопросы однозначных ответов нет. Представив своего героя, легко расставшегося со своей душой, в новом качестве - «с чистым листом в руках», писательница так же легко расстается с ним, не давая ответа, как можно преодолеть такую ужасающую «чистку душ», становящихся равнодушными. Герой стал «чистым листом». На нем можно было бы написать: «*И всей душой, которую не жаль / Всю топотить в таинственном и милом, / Овладевает светлая печаль, / Как лунный свет овладевает миром*» [Рубцов, 2000, с. 78]. Но душой Игнатъева овладевала тоска. Тоска, сомнения, жалость, сострадание - это и есть способ существования души в человеке, ведь она, по определению С. Есенина, «нездешних мест жилища». Игнатъев смалодушничал, не выдержал её присутствия в себе. Решившись на операцию, сам подписал себе смертный приговор - лишился бессмертной души, потерял все (а ду-

мал-то, что все приобрел!). Пусть слабый, но живой, сомневающийся, полный трепетной отцовской любви и нежности («толчком прыгнул и в дверь кинулся к зарешеченной кровати»), мятущийся, но жалеющий жену и преклоняющийся перед ней («жена - она святая»), Игнатъев был интересен автору. Лишившийся сострадания, он перестает занимать писательницу: какой он, человек бездушный, - знают все. На своем «чистом листе» главный герой напишет жалобу - первое, что он собрался сделать после операции (наплевал в душу). И никогда больше не придет к нему, не сядет на краешек постели его Тоска, не возьмет за руку (не поговорит по душам). Не ощутит Игнатъев, как из «глубины души», из бездны, «откуда-то из землянок выходит Живое» [Толстая, 1997, с. 154]. Отныне удел героя - одиночество и пустота. Все покидают его - и автор, и читатель, поскольку теперь он мертвец, «пустое, полое тело» [Там же, с. 170]. Татьяна Толстая использует архетип «душа» как прецедентный феномен русской ментальности. В русском языке устоялись словосочетания: «погубить свою душу», «спасти свою душу», то есть человек, будучи существом земным и бренным, властен спасти или погубить свою бессмертную неземную душу. Толстая с сожалением констатирует всеобщую «болезнь» избавления человека от души, что так не присуще русским, развенчивает миф о «загадочной русской душе». В рассказе пять мужчин (один из них - мальчик) и пять женщин. Все несчастны, особенно женщины. Первая - жена Игнатъева. Вторая - Анастасия, его возлюбленная. Третья - разведённая жена его друга. Четвёртая - «вышла в слезах из кабинета большого начальника», первым избавившегося от души. Пятая - слушает в телефонную трубку уговоры «смуглого человека», у которого «вся жилплощадь в коврах». Автор приводит к мысли: женщина олицетворяет душу, а герои-мужчины ее теряют. Болезнь мальчика символизирует бесперспективность возрождения по-детски чистой души. «Женщина», «жена» - это душа. Толстая ни разу не называет этого слова - накладывает табу.

Начало рассказа символично: «Жена спит». Спит душа Игнатъева. Она больная и слабая. Думается, это о ней говорит автор, описывая жену и ребёнка: «измученная», «слабенький росточек», «огарочек». Удалив душу, Игнатъев сразу же принимает решение избавиться от своих близких, которые и есть видимое воплощение его невидимой души. Представив своего героя, легко расставшегося со своей душой, в новом качестве - «с чистым листом в руках», писательница так же легко расстается с ним. Пусть слабый, но живой, сомневающийся, полный трепетной отцовской любви и нежности («толчком прыгнул и в дверь кинулся к зарешеченной кровати»), мятущийся, но жалеющий жену и преклоняющийся перед ней («жена - она святая»), Игнатъев был интересен автору. Лишившийся сострадания, он перестает занимать писательницу: она не желает созерцать этот чистый белый лист, являющийся, по сути, чёрной пустотой квадрата.

Анализ прецедентных феноменов в рассказах Татьяны Толстой подчеркивает своеобразие русского национального дискурса, так как отмеченные прецеденты характерны лишь для представителей русского лингвокультурного сообщества.

Список литературы

- Есенин С. А.* Прощание с Мариенгофом // Полное собрание сочинений: в 7 тт. М., 1996. Т. 4.
Попова И. М. Поэтические школы Тамбова // Прецедентные феномены тамбовских писателей в современной русской литературе: сб. науч. ст. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 160 с.
Рубцов Н. Ночь на родине // Собр. соч.: в 3-х т. М., 2000. Т. 1.
Русская женская проза рубежа веков: учеб. пособие / И. М. Попова. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008.
Толстая Т. Н. Чистый лист // Любишь-не любишь: рассказы. М., 1997.

BLACK SQUARE OF WHITE SHEET IN TATYANA TOLSTAYA'S STORIES

Shahova L. A.

*Department of Russian Philology
Tambov State Technical University
postmaster@kafruss.tstu.ru*

Abstract. The article is devoted to modern literature in its bright manifestation called “female prose”. The problems of intertextuality and the phenomenon of precedence are examined on the example of one of Tatyana Tolstaya's best stories, the features of poetics and the transformations of precedence phenomena are revealed.

Key words and phrases: modern literature; “female prose”; intertextuality; precedence; poetics; transformation of precedence phenomena.